

Вера Макашова

Углы

ЕВГЕНИЙ СИМОНОВ тяжело пережил свой уход из Вахтанговского театра, хотя большинство участников и свидетелей той драматической ситуации, самым вахтанговцем, близкой коллективу критике, активной, бурлящей в конце 80-х общественности казалось, что иного решения и быть не может. У Симонова не получались спектакли, он работал надсадно, нервно, все более погружаясь в кризис, сочувствовать в котором после многих сезонов ожидания, последнего davvero отказывался его театр.

Уйдя из театра, уже немалодой и не слишком здоровый Симонов немедленно начал мечтать о студии. Мечтать и говорить о ней. Не раз обвинявший в легкомыслии и лениости, сибаритстве, несклонности к систематическому труду, в расхождении о зетеваемом ов, казалось, лишь изливал свою

сырой, вересовой низкоем ои про- звал вивидных — знамениты акте- ров и критиков, благостно на- строенных полетному времени, и приняла, как всегда, изыщно — со свечами, замороженным шампанским и ледяной дымею.

Данную пьесу, написанную тяжеловатой ритмической про- зой, слушали без труда. Хороша была сама атмосфера чтения, от- славившая к прошлому, старомод- ным и милаым, ветропопавым бде- ниям русских интеллигентов во- круг покойных под зажженной лампой стола.

Возвращаясь ночью, в сырой и теплой мгла, никто не острял на тему театрального графоманства. Что-то слышалось в этой любите- льской пьесе, останавливало от привычного в театральной среде зубовальства. Культура автора? Бездна знаний, которые он в свое сочинение вложил? Манера, с ка- кой он читал, — трепеще, хлопоча от волнения, доверяясь нам, впло- не посторонним, которые знали его вию и ели его дыню?

Потом Симонов пригласил на спектакли. В Доме ученых, во

он дбыла театру дом 10/12 по Калашину переулку, один из эта- жей которого оборудован под зал и студию. Он составил за оставша репертуар: «Смерть Павла I», «Самобийца», «Блаудный сын», «Вечер водоевиев» А.П. Чехова, «Романсы эпохи Пушкина» — дань замечательной своей музич- ности и ободоратиями своего де- тства друзей и учеников. В спек- талях студии играли Юрий Ва- сальевич Яковлев и Нина Русла- нова. В Художеств нового театра алая соплатеис войти Михаил Уль- янов, Юрий Яковлев, Владимир Этуш, Людмила Максакова. Он успел дать театру имя своего ве- ликого отца.

2, 3, 4 апреля Московский дра- матический театр имени Рубена Симонова празднует свое откры- тие. Но к поздравлениям прибав- ляются и вопросы. Ушедший до времени, Симонов оставил своим ученикам немало проблем.

Что возглавит театр? Театраль- ное дело индивидуально. Власть лидера, личность лидера, творче- ский дар лидера определяют все.

ОН СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ...

Театр имени Рубена Симонова празднует свое новоселье

боль, свою оскорбленность, со- здала знаменитых «Филумены Мартуров», «Иркутской исто- рии» отказываясь признать пора- жения, творческую ослепленность.

Немистительный, рыцарственно воспитанный, он не поссорился со мной, как и со многими тогдаш- ными «реформаторами», хотя я и считала искренне, что его уход с поста главного режиссера — благо для него, надорвавшегося в неуга- чих, и для театра. Пространные, при каждой случайной встрече, рассказы его о студии, однако, не убеждали. Не соединялось, не сязывалось с ним — озерветель- ному светским, стихийным, усво- ниям до вахтанговцев-о т д о я умение талантливо жить, ухра- нить каждый день бытия, — про- зраческое дело добывания места, средств, смел, тарифных распис- ний для будущего театра.

Казалось, он был предназначен для другого. Великолепно смот- релся, органически входил в изы- сканный, сиявший пламенем крас- ного дерева — кабинет на первом этаже вахтанговского театра. Он умел п р и н я т ь гостей. Готовил и счастливо усаживал за роль в обрамлении зажженных канде- лябров, с бокалом шампанского на лакированной крышке. И пел, и играл! (Кабинет нынче пуст, овал огнь вахтанговского гостепри- имства, ибо наступило время про- зы и деловых будней.)

Знаменитое Шукшинское учли- щие, где он много лет преподавал, оказалась к Симонову человечней- шей и внимательней, чем его театр. Ректор Владимир Этуш сохранил за ним кафедру режиссуры. Шко- ла негласно, еще до формальных разрешений, постановлений, приказов, признала, что его акте- рский курс станет с т у д и е й.

Семестр сменялся семестром. Название «симоновская» входило в сознание, как бы свидетельствуя принадлежности двоим — Велико- лепному Рубену Симонову-отцу и — не слишком счастливому — сыну. А сын, несмотря на «кру- шения», в эти годы жил интен- сивно, что-то возглавлял, от че- го-то представлял: существовал — в Театре наций, бывшем Дружбы народов, в ЦАРИ, Доме актера, ВГЭКХс ГИТИСа (теперь — РА- ТИ), других московских театраль- ных школ.

Его студенты учились, как все прочие шукшинцы. А в отношении студии, казалось, не было ничего, кроме вдохновенных разговоров. Вадут вспыхивало, волновало точно названное место — в здании на Москвитна, в бывшем филиале Художественного, который бес- колно стоит ныне, разрушаясь и осыпаясь. Затевался бурный спор с другими претендентами и опадал в ничто.

Упорный Этуш добивался для симоновских учеников — уже ставших выпускниками — дополни- тельного, летнего, сверх обыч- ной нормы, стажерского курса. Сам Симонов летом, в Рузе, пригласил на читку пьесы «Смерть Павла I», сочиненной им специально для студии. На терра- су стандартного дачного домика в

МХАТе имени Чехова, на чужих, замкнутых в пещерах ои ученики играли «Смерть Павла I» и «Самобийца» Н. Эрдмана. Не- оверенные и не бесспорные спектакли выходили на сцену множество одаренных и красивых молодых людей. И люди эти — девочки и мальчики — уже являли собой цельное, соединенное, что и отличает театр от случайного собрания любителей или профес- сионалов-гастролеров.

В «Павле» была стильность, ку- лтура, точно сбалансированная нота времени, истовость медленного исторического чтения. Тяжело- весный слог вводил в прошлое; нес в себе и выражала собой дететку и высокую сентиментальность, жатливости и варварскую гру- бость краткого павловского вре- мени. Ужасный в гневе, благород- ный в минуты просветления, ко- ротенький, с тростью, в ботфор- тах и кровавых облатках являлся Павел — палка и калача у ног любовницы. И красавица Ан- нушка Гагарина была «ужасе как мила» — полнотелая, с округлыми плечами, домашняя, мучающаяся позором и по-бабы жалеющая прозного совратителя.

Спектакль был найден, но не заментерен. Симонов в нем словно освобождался от тяжести пережитого оскорбления, воз- вращал себе легкость и полноту сил, увлекал, как в немногих своих вахтанговских шедеврах.

В «Самобийце» — запретной и оласной во все советские времена пьесе, в работе над которой потерпел поражение и Любимов, и Плутчик, имевшие на пьесу особое моральное право, — симоновская молодежь смеялась и сострадала, жалела отцов, которым выпало пережить трагедию самоубийчи- жения. Пестрота человеческого мельтешения, иррациональность жизни — коммуналки были вос- созданы с яркостью и яркостью. Но выхвост балласта, дерзкое и ре- зкое шутство пронизывала боль. Спектакль обрел глубину, даль исторической перспективы.

Газеты ве скупались на по- чехам. Ободоренные симоновцы отправлялись в театральные стра- нствия — в Ленинград, Ригу, Ас- трахань, Ставрополь, Ростов, Ижевск, к «нефтяникам и газо- шникам» Тюмени, даже в Грецию — в Афины, Воалс, Патры. По доходящим в Москву слухам, вскоду их ждал успех.

А никогда не лечившийся и ви от чего не оберегавшийся Евгений Рубенович Симонов заболел. Как-то вадут я — тяжело. Полу- выдровел, с непримычной по- лочкой, чуть ли не из больницы приехал в училище, чтобы на ве- чере памяти рассказать о Борисе Шукнове — великом артисте и че- ловеке своего детства, а садева- тельно, и об отце, и о поколении первых вахтанговцев. Незабыва- емый, как и все рассказы Симо- нова, получился этот, последний.

Потом Евгений Рубенович умер. И неожиданно открылось, что он, такой нестойкий, как бы по- рхающий по жизни, успел все для своего театра.

Театра, как некоего человеческого собрания, хоть и под одной кры- шей, не существует.

Какое состояние нынешней труппы? Многие талантливые люди из нее уже ушли. Какова программа театра? То, что напи- сано в твердом приглашении- билете, кажется хоть и беспорри- чным, но слишком общим: «театр прежде всего и по преимуществу — актерский», «интеллигентный и поэтический», спектакли — «бе- зупречного акупа с высокой те- атральностью», «театр игры и пред- ставления»...

Друзья и соратники Евгений Симонова в апрельские дни открытия поднимались на сцену нового коллектива, пошпурют, по- веселятся, поозорничают, как любил и умел создатель студии. Но праздникам свойственно ко- нчаться. Театры сегодня легче рождаются, чем продолжают. Кто тут может помочь, когда у всех сегодня столько забот и тревог в потоке общего россий- ского неустойчива? Может быть, училище, маститый и энергичный ректор которого, вопреки годам, великолепно ориентируется в пе- ременившейся обстановке? Или Вахтанговский театр, в труппе у которого немало способных мо- лодых, но так давно нет своей студии, нет даже малой сцены, а р б а т с к и е о с о б и ж к и , п р е - д л а г а ю щ и е , н о н е , с т о я т в р у - к а х и о б в е щ и в а н и я ?

Сделав все, что мог, Евгений Симонов поручил повздорен- ный театр своим друзьям, оставив им высокое обязательство обере- гения дела, на которое ушли по- следние годы художника.

Статья выходит, когда уже ми- новали два вечера-праздника. Первый — содержательный и грустно-веселый, на котором за- чали оставшиеся в записи голоса Симоновых — отцы и сыны, речи коллег и друзей — Этуша, Яко- влева, Смоленского, Любимова, Ла- нового, Фоменко... Леда вахтан- говской сцены традиционная и не- стареющая Юлия Борисова разре- зала ленточку входа. Павловый зивавес с узнаваемой черной рос- писью Рубена Николаевича вах- танговцев-ветераны выносили на руках. Две волны соединялись на невысоких подмостках — уже актеры и еще студийцы... Как-то станут они пожирать и рабо- тать, такие друг другу неведомые, чужие? Проблемы словно витали в воздухе, напокаясь новехонкие интерьеры здания в Калашинном, где на втором этаже балмазий, металлом и зеленой искусствен- ной пласка сверху бар-ресто- рана, а на первом — расположи- лись скромный зал и сцена.

Как же уживутся и оии? И что нужно сделать, чтобы невозмож- ное нечаянно соединилось мо- лодого «края искусства» с «пре- приятным обществу» стало хотя бы благообразным, а не безобраз- ным?..

Ясно одно. Театру как можно скорее нужен лидер.